

О Т З Ы В

официального оппонента на диссертацию «Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана: уголовно-правовая оценка и совершенствование правовой регламентации», представленную Петровым Станиславом Анатольевичем на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Актуальность настоящего теоретико-прикладного исследования обосновывается следующими обстоятельствами. На рубеже XX-XXI веков меняется парадигма в законодательных оценках корыстного ненасильственного поведения в сфере экономики. По справедливому мнению законодателя, опасность такого поведения на современном этапе развития рыночной системы несколько снижается и, соответственно, ответственность за его совершение смягчается. Однако и здесь не обходится без крайностей. Современная уголовная политика бывает и таковой, что создает впечатление не только о снижении, но и об отрицании опасности различного рода манипуляций в области имущественных и хозяйственных отношений. Общество как будто бы уверяют, что аферы – это неизбежная часть предпринимательской системы и своего рода «плата» за рыночную организацию производства. Вроде бы, к ним нужно относиться терпимее и снисходительнее. Социуму даже пытаются внушить мысль, что во всяком мошенничестве есть элемент собственной небрежности и невнимательности пострадавшего. Закон де не может заменять своей санкцией личную невнимательность и здравый смысл отдельных лиц. Нас уверяют, что нельзя наказывать обманщиков за причинение убытков собственникам, ибо это есть не что иное, как «похвала глупости» этих беспечных владельцев.

На мой же взгляд, заслуживает поддержки та позиция Конституционного Суда Российской Федерации, которая нашла отражение в его постановлении от 11 декабря 2014 года № 32-П, в результате чего статья 159⁴ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» УК РФ утратила силу с 12 июня 2015 года. Смею надеяться, что устранение выявленных этим Постановлением неконституционных аспектов современного правового регулирования ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности станет своего рода «рубиконом» в деле обеспечения адекватной уголовно-правовой охраны предпринимательской экономики от корыстных ненасильственных посягательств.

Кстати сказать, отдельные положения, выносимые на защиту соискателем (с. 10, 15 автореферата; л. 14-15 диссертации), во многом перекликаются с вышеприведенной позицией одной из ветвей судебной власти. В самом деле, экономический оборот и оборот мошеннический не есть синонимы, едва ли желателен коммерческий оборот, развивающийся на почве какого бы то ни было обмана. Возмо-

жен и жизненно необходим экономике оборот, чуждый обманов и принуждений. Поэтому свобода оборота вовсе не означает свертывания уголовно-правовых средств в экономической сфере, а наоборот, предполагает серьезное противодействие преступным проявлениям в указанной области. Вместе с тем, еще раз подчеркнем, что здесь недопустимо переходить разумные пределы.

Вряд ли стоит, вслед за мыслью диссертанта, «кардинальным образом пересмотреть существующую уголовную политику в сторону *ее ужесточения* именно в целях борьбы с мошенничеством, так как сложившаяся судебная практика рассмотрения уголовных дел о мошенничествах не обеспечивает исполнение основных функций уголовного права – функций общей и частной превенции, что не позволяет предотвратить социально-экономические последствия совершения крупных мошенничеств» (л. 31 диссертации), «в целях наиболее эффективной борьбы с мошенничеством *увеличить* санкции в общих нормах о мошенничестве» (л. 15 и др. диссертации). Категория «хищение» была введена в научный оборот и законодательную практику в советском уголовном праве. Она выражает «репрессивный характер» и имеет направленность на усиление уголовной ответственности. Исторически эта категория возникла для «устрашения» расхитителей народного хозяйства. Напомню, что по УК 1960 г. хищение государственного имущества в особо крупных размерах наказывалось лишением свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества (ст. 93.1). Эту «печать» указанная категория несла до конца XX века, когда в ходе уголовно-правовых реформ девяностых годов максимальное наказание за ненасильственные хищения было понижено до 10 лет лишения свободы. В 2002-2003 гг. законодатель отнес основной состав кражи (ч. 1 ст. 158 УК), мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК), присвоения и растраты (ч. 1 ст. 160 УК) к категории преступлений небольшой тяжести (как известно, прежде указанные деяния признавались преступлениями средней тяжести).

Предел ли это для смягчения наказания за ненасильственные хищения? Отнюдь, нет. По УК 1922 г. простая кража каралась принудительными работами на срок до шести месяцев или лишением свободы на шесть месяцев (ст. 180). Согласно п. «а» ст. 162 УК 1926 г., тайное похищение чужого имущества (кража) влекло за собой лишение свободы или принудительные работы на срок до трех месяцев. Кроме того, соотношение законодательной оценки опасности ненасильственных преступлений против собственности, в том числе хищений (глава 21 УК), и преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК) свидетельствует о возможных «резервах» для установления за ненасильственные хищения более легкого наказания.

Мне импонирует та основная идея теоретико-прикладной работы С.А. Петрова, в которой обозначена неприемлемость бесосновательного ослабления уголовно-правовой охраны экономических отношений, недопустимость безучастного и безразличного отношения законодателя к здоровым силам в их противодействии

с криминальной стихией. Указанная идея диссертанта обосновывается тем, что предпринимательская экономика есть, прежде всего, постоянный и систематический обмен товарами, работами, услугами. В условиях ее становления и развития криминальные интересы и устремления смещаются в сферу имущественного оборота. Отсюда, одно из негативных следствий функционирования рыночной экономической системы проявляется в широком распространении мошенничества и других экономических обманов и злоупотреблений доверием. В свете сказанного обратимся к статистическим данным, приведенным диссертантом: в 2014 г. зарегистрировано 159 314 мошенничеств; эта цифра превышает аналогичный показатель 2003 г. на 82,1 % (по итогам 2003 года в России зарегистрировано 87 471 мошенничество). Количество мошенничеств в общей структуре преступности возросло с 3,1 % в 2003 году до 7,4 % в 2014 г. Это единственное из преступлений против собственности, уровень которого значительно выше, чем 10 лет назад. По всем остальным имущественным посягательствам отмечается существенное снижение их уровня (от 22,5 до 70,9 %). При этом не надо сбрасывать со счетов и гиперлатентность мошенничества (с. 3 автореферата; л. 3 диссертации),

Одним из факторов, предопределяющих рост обманов и злоупотреблений при рыночном типе хозяйствования, является особая целенаправленность и мотивация предпринимательской и иной экономической деятельности, связанная с ее конкурентными началами, рискованым характером и максимизацией личной выгоды. Кроме того, предпринимательская экономика постоянно эволюционирует, а это обстоятельство обуславливает непрекращающиеся процессы видообразования мошеннических уловок и имущественных злоупотреблений, их постоянное приспособление и подлаживание к изменяющейся и усложняющейся экономической организации общества. В настоящем научном труде справедливо подчеркивается, что эту данность недопустимо недооценивать при определении направлений и проведения уголовной политики в области экономики. Она требует более последовательного распространения уголовно-правовой охраны на имущественные отношения, выражающие, прежде всего, динамику товарного хозяйства. Безосновательное ослабление уголовно-правовой охраны собственности и иных экономических отношений с ссылками на «саморегулируемость рынка» не согласуется с закономерностями и тенденциями предпринимательской системы. Рыночный тип экономического порядка (как, впрочем, и любая другая хозяйственная система) далек до идеала экономического устройства общества. Рыночные институты и механизмы не являются самодостаточными. Жизнь демонстрирует многообразие «провалов» рынка. Очевидно, что рынок не является панацеей от преступности. Он не имеет механизмов, сдерживающих это зло. Более того, как уже было замечено, одно из самых негативных проявлений рыночной стихии - высокий рост мошенничества – самого «рыночного» преступления, и появление новых видов «обманных» общественно опасных форм поведения в экономической сфере.

В свете сказанного видится перспективным направление научного описания

диссертанта, связанного с выявлением и анализом таких видов мошенничества (л. 6, 9 и др.), как: хищение чужого имущества путем обмана; хищение чужого имущества путем злоупотребления доверием; приобретение права на имущество путем обмана; приобретение права на чужое имущество путем злоупотребления доверием (л. 11 диссертации).

Научная новизна рецензируемого труда определяется также переосмыслением С.А. Петровым отдельных подходов и ранее полученных результатов теоретико-прикладных исследований правовых норм об ответственности за имущественные правонарушения, соединенные с обманом и злоупотреблением доверием. Это дало возможность соискателю выявить интересные факты и тенденции, комплексно взглянуть на проблемы совершенствования правовой регламентации ответственности за общие и специальные виды мошенничества.

В настоящей работе сформулирован ряд оригинальных положений, имеющих значение для повышения эффективности противодействия соответствующим преступлениям в сфере экономики (л. 11-15). Таковы, положения о законодательном определении общего понятия мошенничества (л. 12), о законодательном определении незаконного приобретения обязательственных прав (л. 12), об авторском понимании злоупотребления доверием как условия совершения преступления (л. 13), об уточнении дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемые преступления (л. 14) и др. Правда, замечу, что в части законодательного определения общего понятия мошенничества мне более близок авторский подход, отраженный на л. 62 его диссертации. Согласно последнему, «изученное зарубежное законодательство не знает такого обобщающего понятия, как хищение, не определяет его признаков, поэтому нормы о мошенничестве не привязываются к данному понятию, следовательно, их трактуют значительно шире, чем в России. Подобное понимание мошенничества диктуется существующей действительностью, которая такова, что противоправная выгода извлекается не только путем обращения чужого имущества в пользу виновного, и подобное противоправное извлечение выгоды представляет общественную опасность, в связи с чем требует уголовно-правового регулирования. Если зарубежный законодатель пришел к подобным выводам, то данным опытом следует воспользоваться и в России». В самом деле, «мошенничество» как норма в условиях рыночной системы требует распространения своего действия на имущественные отношения, получающие различные юридические формы выражения, не сводящиеся исключительно к праву собственности.

Авторские выводы и идеи подтверждаются эмпирической базой исследования, которую составляют статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России за период 2003–2014 годов, материалы 200 уголовных дел о 581 факте мошенничества, рассмотренных в 1999–2014 гг. судами Уральского федерального округа, Республик Башкортостан, Дагестан, города Москвы, находившихся в производстве следователей Челябинской области и не дошедших до суда по причине несовершенства законодательства. Отдельно изуче-

ны 27 уголовных дел о 71 преступлении, предусмотренном ст. 159¹, 159², 159⁴ УК РФ, рассмотренных в 2013–2014 годах судами Челябинской области и Республики Башкортостан, и 30 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 160, 165, 171, 173, 186, 272, 273, 292, 327, 330 УК РФ, рассмотренных в этот же период судами Челябинской, Ростовской, Ивановской, Волгоградской областей, Республик Башкортостан и Татарстан. С.А. Петровым использованы выводы, полученные в ходе проведенного им опроса практических работников правоохранительных органов Челябинской области (154 человека), а также опроса экспертов – судей (15 человек) и преподавателей права (15 человек) Воронежской и Челябинской областей. При написании диссертации учитывался личный опыт работы автора в течение 15 лет в должностях следователя органов внутренних дел и органов прокуратуры, прокурора отдела по надзору за расследованием преступлений органами прокуратуры Челябинской области, заместителя прокурора Ленинского района г. Магнитогорска Челябинской области и Белорецкого межрайонного прокурора Республики Башкортостан.

Диссертация С.А. Петрова имеет практическое значение. Прежде всего, оно состоит в разработке соискателем ряда научных предложений и рекомендаций, касающихся оптимизации мер по уголовно-правовому предупреждению мошенничества как преступления в сфере экономики. Материалы настоящей диссертации могут быть использованы в учебном процессе высших юридических заведений при чтении лекций по уголовному праву, специальным курсам «Преступления против собственности», «Экономические преступления».

Диссертация С.А. Петрова имеет предельно четкую структуру, ясность формы изложения материала. Структурно рецензируемая работа состоит из введения, трех глав, объединяющих двенадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Первая часть диссертации посвящена изучению исторических аспектов и зарубежного опыта установления ответственности за хищение чужого имущества, совершаемого путем обмана. При этом С.А. Петров справедливо замечает, что функционирование имущественной преступности в историческом масштабе представляет собой своеобразный «пульсар». При переходе общества от одного типа экономики к другому имущественная преступность то разворачивается во всем многообразии видов и форм, поражая многие разновидности имущественных связей (имущественная преступность в обществе с рыночной экономикой), то стягивается в один «узел», ограничивая свое проявление областью имущественных отношений, складывающихся, главным образом, по поводу владения, пользования и распоряжения материальными благами субъектами права собственности (имущественная преступность в обществе с плановой экономикой). Так, соискатель правильно пишет, что после Октябрьской революции рыночную экономику в нашей стране сворачивают, свободные экономические отношения исчезают, поэтому не требуется их уголовно-правовая охрана. Как следствие, нормы о мошенничестве

остаются на месте и развиваются только в связи с развитием общего представления о хищениях. Предметом мошенничества становится чужое движимое имущество, так как оборота недвижимого имущества, по сути, нет, частная собственность отсутствует, имеет место лишь личная собственность граждан на движимые вещи. Напротив, с переходом к свободным экономическим связям, новые отношения потребовали уголовно-правовой охраны, в связи с чем представление о мошенничестве начинает с 1991 года меняться. Появляются новые виды мошенничеств, такие, как «финансовые пирамиды», мошенничество с банковскими авизо, с пластиковыми картами, с недвижимостью, ценными бумагами, безналичными деньгами и т.д. Постепенно предмет мошенничества вновь начинает трактоваться шире, чем чужое движимое имущество (л. 142).

В основу второй главы диссертации положен уголовно-правовой анализ норм о хищении, совершаемом путем обмана. Представляется интересным предложение соискателя об установлении возраста наступления уголовной ответственности за мошенничество. С.А. Петров правильно пишет: «16-летний возраст, с которого может наступить уголовная ответственность за мошенничество, установлен, исходя из возможности осознания лицом общественной опасности совершаемого деяния. Однако этот возраст необходимо снизить до 14 лет, внося соответствующие дополнения в ч. 2 ст. 20 УК РФ» (л. 149). В самом деле, процесс социализации (как и эмансипации) в современном обществе значительно ускорен, и, кроме того, субъекту мошенничества нет необходимости всякий раз иметь визуальный, физический, непосредственный контакт с потенциальной жертвой. Выдвинутый соискателем тезис можно усилить и другими аргументами. Так, лживость как свойство личности и обман как вид социального действия не являются исключениями для четырнадцатилетних подростков. В этом возрасте человеком осознается не только значение указанных форм поведения, но и общественная опасность обманных действий по обогащению одного лица и причинению имущественного вреда другому. Поэтому установление уголовной ответственности за мошенничество с 14-ти летнего возраста не противоречит положениям психологии лжи. Наконец, обратимся к историко-правовому основанию. Отечественные уголовно-правовые кодификации двадцатых годов прошлого столетия не исключали ответственность за мошенничество с 14-ти лет.

В третьей главе настоящего диссертационного исследования соискатель формулирует рекомендации по квалификации анализируемых преступлений, дает уголовно-правовую оценку новым видам мошенничества, введенным в Уголовный кодекс Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, отграничивает их от основного состава мошенничества и от смежных составов преступлений, разрабатывает рекомендации по совершенствованию правовой регламентации ответственности за хищения путем обмана в целях эффективной уголовно-правовой борьбы с ними. В этой части исследования убедительно показано, что предусмотренные ст. ст. 159¹–159⁵ УК РФ нормы являются казуистическими и обречены на

конкуренцию как со ст. 159 УК РФ, так и между собой. Вместо необходимого усиления уголовной ответственности, она местами необоснованно смягчена. Наличие указанных норм в Уголовном кодексе противоречит, как пишет диссертант, Конституции РФ. В связи с изложенным новые виды мошенничества, предусмотренные ст. 159¹–159⁵ УК, предлагается исключить из уголовного закона (л. 210-211).

Замечу, что не все выдвигаемые диссертантом положения представляются в равной мере бесспорными.

1. Автор диссертации - сторонник расширительной трактовки понятия «хищение чужого имущества» и распространения его на все большее число криминальных случаев в сфере экономики. Так, в рецензируемой работе утверждается, что компьютерное мошенничество, квалифицируемое по ст. 159⁶ УК РФ, является еще одной формой хищения, помимо имеющихся шести. На этом основании С.А. Петров предлагает в статье 159⁶ УК РФ предусмотреть ответственность за «информационное хищение, то есть хищение чужого имущества путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» (л. 14, 181, 221).

На мой же взгляд, действующая конструкция «хищение чужого имущества» не исчерпала ресурс своего существования. Нецелесообразно возлагать на уголовно-правовые нормы о хищениях несвойственных им функций охраны сегментов экономики невещественного содержания. В строгом смысле категория «хищение чужого имущества» суть абстракция, отражающая фактическое нарушение прав собственности. Эта правовая конструкция выражает необходимость предупреждения, прежде всего, преступных посягательств, совершаемых в сфере распределительных отношений по поводу чужих вещественных благ, противодействия корыстному криминальному безвозмездному изъятию чужого имущества (в смысле вещи), которое причиняет реальный ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Данное обстоятельство, в свою очередь, инициирует разработку и применение на практике таких уголовно-правовых средств и инструментов, которые непосредственно предназначены для обеспечения охраны отношений по обмену и прочих экономических областей, не характерных для проявления хищений чужого имущества, в том числе и сферы электронной коммерции. Исторический и сравнительно-правовой анализ показывает, что большой правовой потенциал заложен во многих юридических категориях и конструкциях, например, «получение выгод путем использования ЭВМ» и др.

2. В работе дается авторское определение обмана, как способа совершения мошенничества. Исходя из смысла слова «обман» в русском языке, соискателем доказывається, что пассивный обман обманом не является. В этой связи С.А. Петровым предлагается предусмотреть в ст. 159⁷ УК РФ ответственность за «хищение чужого имущества путем умолчания об истине при наличии юридической обязан-

ности сообщить достоверную информацию потерпевшему или иным лицам» (л. 11-12, 75-76, 117, 168, 209, 216).

Однако, на мой взгляд, остается непонятным, что выиграет практика, перейдя от расширительного к буквальному толкованию обмана, и каковы будут особенности дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества путем обмана и умолчания об истине.

3. По мнению диссертанта, предмет преступления присутствует только в мошенничестве – хищении чужого имущества; мошенничество же в виде приобретения права на чужое имущество является беспредметным преступлением (л. 100, 218).

Между тем в современной доктрине и практике к числу предметных относятся и такие преступления, которые совершаются по воду хозяйственных благ и ценностей, явно лишенных вещественного содержания и потому не относящихся к числу вещей в строгом смысле слова. В качестве предмета указанных посягательств выступают такие выгоды, которые явно не имеют материального характера: право на чужое имущество, действия имущественного характера, долг в виде денежных или иных средств, подлежащих передаче. Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», предметом взяточничества (статьи 290, 291 и 291¹ УК РФ) и коммерческого подкупа (статья 204 УК РФ), наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав. При этом имущественные права включают в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (статья 1225 ГК РФ).

Укажу также на слабую апробацию рецензируемой работы в части участия соискателя в научных форумах. Судя по тексту диссертации (л. 16) и автореферата (л. 16), результаты исследования были представлены только на международной научно-практической конференции «Эффективность уголовно-правового воздействия на преступность» (г. Омск), к тому же проходившей в 2010 г.

Высказанные замечания и пожелания в целом не влияют на положительную оценку настоящего исследования. Диссертация С.А. Петрова в виде специально подготовленной рукописи, представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, является оригинальной, внутренне единой, самостоятельной научно-квалификационной работой. Структура работы, ее содержание, центральные положения и выводы отличаются новизной и достоверностью. Основное содержание рецензируемой работы отражено в 6 публикациях автора в изданиях, рекомендуемых ВАКом России.

В автореферате диссертации и публикациях по теме исследования нашли отражение основные положения и выводы.

Диссертация С.А. Петрова является научно-квалификационным трудом, в котором содержится решение задачи, имеющей значение для развития уголовного права России. Диссертация содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе диссертанта в науку уголовного права. Она соответствует требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 723).

На основании вышеизложенного полагаю, что Станислав Анатольевич Петров заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

И.о. декана юридического факультета

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Самарский государственный университет»,
доктор юридических наук, профессор

— Безверхов Артур Геннадьевич

443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1,
bezverkhov_artur@rambler.ru,
раб. тел.: (846) 337-99-30

Ученый секретарь Ученого совета

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Самарский государственный университет»

Е.А. Стенькина

11 августа 2015 года